

На свидетельское место взошёл неожиданный человек - госпожа Банис, жена старого Баниса. Орвицка поначалу решил, что она свидетель защиты, но тут она произнесла:

- Мой муж состоял в связи с моим младшим сыном и младшей невесткой.

Лица нетерпеливых господ присяжных исказились от изумления. В зале поднялся гул. Сидевший рядом с Орвицкой джентльмен тоже растерянно прошептал ему:

- Господин, скажите на милость, эта дама ведь сказала "с женой моего младшего сына", а не "с моим младшим сыном и младшей невесткой", верно?

- Нет, она сказала именно второе.

Слова Орвицки повергли его в ужас. Он торопливо осенил себя крестным знамением:

- О, Боже милостивый!

- Да что же это творится? - Отец и... сын?

- Ваша честь! Я протестую! Это грязная, безосновательная клевета! - старый Банис тут же вскочил и взревел.

Судья застучал молотком:

- Тишина! Тишина! Нарушители порядка будут немедленно удалены из зала суда! - когда наконец воцарилась тишина, судья повернул стул и обратился к госпоже Банис: - Госпожа, полагаю, вы отдаёте себе отчёт, что это чудовищное обвинение. Мы не можем опираться лишь на ваши слова...

- У меня есть доказательства.

Судья на мгновение опешил:

- Что вы сказали?

- У меня есть доказательства, ваша честь. У меня очень, очень много доказательств.

Прокурор тоже вмешался:

- Можем ли мы представить доказательства, ваша честь?

- Протестую! Обвинение не уведомило меня заранее о наличии новых доказательств!

- Потому что мы сами только что о них узнали, ваша честь.

- Ваша честь! Мы согласны принять новые доказательства! - старый адвокат поднял руку в знак поддержки. В этот момент их значимость стала очевидна. Хотя обоих подсудимых защищали разные адвокаты, они оба были обвиняемыми. Если адвокат одного согласился, а другой возражает... не значит ли это, что у него совесть нечиста?

В зале снова воцарился непродолжительный хаос.

- Новые доказательства принимаются, - объявил судья.

Два больших чемодана внесли в зал. Когда их открыли, оказалось, что внутри... одежда?

Судья проявил завидное терпение, ожидая, пока королевские полицейские по приказу прокурора извлекут одежду из чемоданов. Одну за другой вещи демонстрировали суду и присяжным. В основном это была старая одежда, испачканная кровью, со следами разрывов и грубой стирки.

- Тысяча двадцать девятый год, седьмое октября. Лоурену семь лет. После первой охоты с отцом он вернулся домой и почувствовал недомогание, у него поднялась температура. Я пошла ухаживать за ним. Он сказал мне: "Мама, я знаю, что отец очень любит меня, но может ли он не причинять мне такую боль?" Я удивлённо стала расспрашивать его дальше. Он поведал мне, что его отец особым мужским способом явил ему свою любовь.

- Ты лжёшь! - старый Банис попытался броситься вперёд, но судебные приставы крепко его удержали. - Я протестую, ваша честь! Какие-то старые грязные тряпки и слова женщины не могут служить доказательством!

- Вся эта одежда принадлежала Лоурену, она была сшита на заказ. На большинство вещей у меня сохранились чеки, и некоторые портные тоже могут это подтвердить! - старая госпожа решительно встала. Она сорвала парик, обнажив кожу головы, испещрённую несколькими ужасными шрамами. - Я пыталась защитить своего ребёнка. Это он избил меня кочергой. - Затем она сняла перчатку с левой руки. Мизинец левой руки отсутствовал у самого основания, безымянный и средний пальцы тоже были сломаны на одну фалангу. - Я выжила, но если бы продолжала сопротивляться, меня бы убили.

В этот момент из тех же чемоданов извлекли несколько девичьих платьев. Эти платья должны были смотреться очаровательно на маленькой девочке, но они были варварски разрезаны в нескольких ключевых местах. Было очевидно, что это сделал не портной, а кто-то, руководствуясь собственными извращёнными "предпочтениями".

Так прелестные и невинные платья приобрели зловецкий, греховный оттенок.

Большинство уважаемых джентльменов отвернулись или закрыли глаза. Сидевший рядом с Орвицкой мужчина уже рыдал навзрыд:

- Как может существовать такой отец? Как? Дьявол, это дьявол во плоти!

- Если бы я умерла! Мой ребёнок остался бы совершенно беззащитным! Он! Заставлял своего сына носить девичью одежду, а сам облачался в женское, твердя ему, что Бог велел ему любить его именно таким способом! Даже дьявол не сотворил бы подобного! Я могла лишь брать его с собой на прогулки, отправлять в школу-пансион, оплачивать университет. Он вырос, осознал, что такое истинная любовь, он хотел уйти! И тогда он убил его... Ты убил его! Ты убил моего сына!

"Правда это или ложь?" - Орвицка внимательно посмотрел на старую госпожу и решил, что, скорее всего, правда.

С точки зрения формальных доказательств, представленные госпожой вещи были не слишком убедительны. Но им и не нужно было ничего доказывать с помощью улик, достаточно было склонить на свою сторону присяжных.

Выражения лиц присяжных резко изменились. Какими бы порочными ни были эти джентльмены втайне, для подавляющего большинства из них собственные дети были святы. Тем более он ещё и прикрывался именем Бога? Бог велел тебе так любить своего сына?

Трое священнослужителей с другой стороны тоже помрачнели. Хотя и о них часто всплывали скандальные истории, связанные с мальчиками, в суде они, разумеется, должны были стоять на стороне справедливости.

Старый Банис должен был доказать свою невиновность, но главная жертва по этому делу уже покоилась в могиле, а вся его семья теперь выступала против него. Как ему было это сделать?

Старый Банис посмотрел на свою жену. Сухая старушка встретила с ним взглядом лишь на долю секунды, тут же отвернулась и, дрожа всем телом, опустила голову. Она осмелилась выступить против него, но не смела смотреть ему в глаза.

- Ваша честь, господа присяжные, достопочтенные отцы! Обратите внимание, женщина, столь "благоговеющая" перед своим мужем, тем не менее, явилась в суд, чтобы обвинить его. Уже одного этого достаточно, чтобы понять, какие чудовищные деяния совершил этот человек! Да, он действительно отец, но скажите мне, кто из вас готов встать и громко заявить: "Я такой же отец, как Дут Банис!"? А? Кто?! Кто из вас готов так воскликнуть?

Прокурор обвёл взглядом всех: присяжных, зрителей, священников, даже судью, который должен был сохранять нейтралитет. Все либо избегали взгляда прокурора, либо решительно качали головами.

Ни один мужчина, ни один отец не желал, чтобы его ставили на одну доску со старым Банисом. Он, нет, оно - было сущим дьяволом.

Старый Банис тяжело опустился обратно на скамью подсудимых. Его лицо было мрачным и непроницаемым. Только что заработанное им очко было безвозвратно потеряно.

Затем на свидетельское место поднялась госпожа Лили. Срывающимся от волнения, нежным голосом она поведала трогательную историю о храбром муже, пытавшемся защитить свою жену. Но в итоге, столкнувшись с ужасным демоном, Лоурен потерпел поражение. А этот демон, взбешённый тем, что младший сын вырвался из-под его контроля, жестоко расправился с ним.

Старый Банис потребовал дать показания ещё раз. Когда он во второй раз занял свидетельское место, по всему залу прокатился гул неодобрения:

- Я люблю своего сына, очень люблю его. А мой сын совершенно не мог удовлетворить женщину. Когда я в очередной раз пригласил его в свою комнату, вместо него пришла моя невестка. Та женщина, что только что проливала крокодиловы слёзы, в тот момент была облачена в яркую красную кружевную ночную рубашку, подол которой едва прикрывал её лоно, на стройных ногах красовались такие же кроваво-красные кружевные чулки, подвязки...

- Протестую! Ваша честь! Эти непристойные излияния не имеют никакого отношения к делу! И это всего лишь грязные слова, у него нет ни единого доказательства!

- Поверьте мне, ваша честь, эти события несомненно доказывают, что эта женщина не испытывала ни капли любви к своему мужу, напротив, она была полна ненависти к нему, даже жаждала его смерти! И у меня есть доказательства! В сейфе банка Эйденвилл хранятся несколько вещей... именно "таких" вещей. Хотя у меня нет чеков, но эти дорогие предметы

одежды... я уверен, королевская полиция быстро сможет установить их покупателя. Мы с Лили действительно были на месте происшествия, но подозрения в её адрес гораздо серьезнее, потому что она жаждала стать по-настоящему удовлетворённой женщиной, и её плотские аппетиты намного превосходили нормальные. Я подозреваю, что у неё даже были тайные связи с моими сыновьями! Она больше не могла выносить роль фальшивой жены импотента!

"Это ответный удар?"

Кто-то засвистел, несколько зрителей с отвращением покинули зал. Но часть оставшихся, включая некоторых присяжных, начала проявлять нездоровый интерес.

Пошлость и грязь всегда привлекали определённый сорт людей.

Только что установившееся в зале единодушное осуждение старого Баниса было разрушено.

- Ваша честь, я очень люблю своего сына. Даже если то, что они говорят, - правда, и моя любовь несколько... своеобразна, они тем самым лишь подтвердили мою любовь! Значит, я тем более не мог его убить! Что касается того, что он собирался донести на меня? Ха! Если бы на меня не надели кандалы, моя жена ни за что не посмела бы стоять здесь и нести эту чушь, как и мои дети! Лоурен, мой послушный младший сын, он всегда делал то, что я ему велел! Как он мог осмелиться донести на меня?

- Ты бесстыдный подонок! - священник Церкви Хранителей Закона сорвал с шеи свой священный медальон и швырнул его в лицо старому Банису. Он даже попытался спрыгнуть со своего места, но полицейские вовремя его остановили. Однако он, совершенно игнорируя их, продолжал реветь и размахивать руками. - Ты проклятый грешник!

Затем этого священника силой вывели из зала. Вскоре вошёл другой священник Церкви Хранителей Закона, заявив, что заменит предыдущего. Но прежде чем сесть, он пристально посмотрел на старого Баниса и произнёс:

- Свет более не осеняет твою голову. Ты отвержен Богом, Дут Банис.

Старый Банис гордо вскинул голову:

- Эта распутная женщина - убийца! Она соблазнила меня! Я признаю вину в прелюбодеянии с невесткой! Но я не убивал своего сына! Это она убила моего сына! А те, в ком течёт моя кровь, или кто жил под моей защитой, - они жаждут моего достоинства, они запятнали моё имя грязной клеветой! Но я проклинаяю их! Всякий, кто вкушает мою плоть и пьёт мою кровь, да умрёт насильственной смертью!

Он ревел, его ярость и мощь подавляли всех присутствующих в зале суда.

- Нечистый! - Дьяволопоклонник! - Ты - высокомерная, низменная мразь!

Люди опомнились и разразились гневным шумом.

Орвица думал, что старый Банис просто хочет утянуть кого-то за собой на дно, но он недооценил его коварство.

Они обвинили его в насилии над Лоуреном - он признал. Раз он любил Лоурена, значит, не мог его убить. Это косвенно доказывало его "невиновность". Только выжив, можно было попытаться смыть с себя позор и отомстить.

Прокурор, который только что явно лидировал, оказался в совершенно проигрышном положении из-за этого хитрого хода...

Затем прокурор старательно представлял различные улики, пытаясь убедить присяжных и остальных, что старый Банис - преступник. Но внимание публики по-прежнему было приковано к этой череде скандальных разоблачений. Люди постоянно перешёптывались с соседями, не обращая особого внимания на то, что ещё говорили прокурор и старый адвокат.

В заключительном слове прокурор и старый адвокат произнесли пламенные, искренние речи. Все затихли и слушали внимательно, но, по крайней мере, Орвицка запомнил только настойчиво повторяющуюся фразу "старый Банис - убийца", всё остальное вылетело из головы.

Речь старого Баниса была лаконична:

- Если бы я любил его, я бы не убил его. Если бы я уже не любил его, я бы тем более не убил его. Возможно, я человек безнравственный, но я не убивал своего сына.

Присяжные удалились на совещание. Был объявлен временный перерыв. Вскоре заседание возобновится для оглашения вердикта.

Все вернулись в зал, встали в ожидании приговора.

Записка от присяжных была передана судье.

Рядом с Орвицкой всё ещё сидел тот самый плачущий джентльмен. Он уходил из-за отвращения, но теперь вернулся. Скрестив указательные пальцы на груди, он непрерывно шептал молитву:

- Виновен, виновен, виновен, непременно виновен.

- Дут Банис, признан виновным в убийстве Лоурена Баниса! - судья ударил молотком.

- Ура! - Молодцы присяжные! - Так ему и надо!

Судья улыбнулся, дав людям несколько минут выплеснуть эмоции.

- Лили Банис, признана виновной в убийстве Лоурена Баниса!

Лили Банис побледнела, но устояла на ногах. В зале раздались аплодисменты, но не такие бурные, как в первый раз.

Затем судья огласил приговор обоим. Старый Банис был признан главным виновником, через три дня его ждала казнь через сожжение. Лили Банис, хотя и была признана виновной, считалась пособницей и помогла полиции осудить старого Баниса, поэтому её приговорили к ссылке на Южный континент. Но так как она была беременна, а младенец невиновен, ссылка откладывалась до родов.

- Нет! По крайней мере, она должна умереть со мной! - старый Банис смог сдержаться, когда его признали виновным, но услышав приговор, он окончательно взорвался. - Ты взял грязные деньги! Вы все взяли грязные деньги! Вы...

Ему зажали рот и силой увели.

Судья ударил молотком в последний раз по делу об убийстве Лоурена Баниса. Дело было

закрыто. Существовала возможность апелляции, при условии... что на момент поступления апелляционных документов в вышестоящий суд осуждённый был ещё жив. В действующем законодательстве не было положения об отсрочке исполнения приговора для подавших апелляцию.

Слова старого Баниса вызвали некоторое обсуждение в толпе, но в итоге не произвели большого эффекта. Если бы это было другое дело, где прелюбодейка, убившая мужа, получила бы столь мягкое наказание, эти знатные джентльмены наверняка освистали бы судью. Но на этот раз, на фоне чудовищных деяний самого старого Баниса, госпожа Лили казалась незначительной фигурой.

Даже при недостатке прямых улик все, как и присяжные, были убеждены, что старый Банис - настоящий убийца, а его последние слова - лишь бесстыдная ложь и изворотливость.

Поэтому многие покидали зал суда с улыбкой на лице. Некоторые, едва выйдя за дверь, хватали друзей из других залов и громко обсуждали это дело, которое, хотя и имело всего одну жертву, было поистине шокирующим по своему содержанию. А друзья, которых они останавливали, часто сначала изумлённо ахали, а затем начинали сокрушаться о своём выборе зала.

В таком респектабельном месте, как суд района Утун, само здание суда также служило местом для общения и развлечения джентльменов. Оно было даже популярнее традиционных театров, потому что здесь... дамам вход был воспрещён (кроме свидетельниц и преступниц).

Такая атмосфера была Орвицке не по душе, но он и Далиан всё же остались стоять у входа, пока не появился Розенберг и не помахал им рукой.

Они встретили Розенберга и по дороге сюда - он приехал со старым адвокатом и группой свидетелей. Он настоятельно попросил их подождать, надеясь позже пропустить с ними по стаканчику. Тогда они не отказались - выпить и отпраздновать победу над этим старым чудовищем Банисом было бы весьма приятно. Но сейчас Орвицка пошёл за ним не ради выпивки, а потому что у него накопилось множество вопросов.

В просторном холле суда можно было увидеть группы джентльменов по трое-пятеро, с бокалами шампанского или красного вина, оживлённо беседующих. Помимо судебных дел, они любили обсуждать здесь и политику.

Они вышли не через главный вход, а свернули в другой, неприметный коридор. Здание было высоким и внушительным, но вентиляция оставляла желать лучшего, и в извилистых коридорах стоял сильный запах мочи.

Розенберг толкнул перед собой тяжёлую деревянную дверь. Отсюда потянуло резким запахом конского навоза. Здесь ожидали несколько наёмных карет. Бауэр Колин высунулся из одной из них. Увидев их, он тут же выскочил и с распростёртыми объятиями бросился к ним:

- Господа! Я так рад вас видеть!

Полный энтузиазма и волнения Бауэр, однако, выглядел неважно. Глаза его глубоко запали, лицо имело нездоровый, синеватый оттенок.

После крепких объятий Бауэр поправил пиджак и вздохнул:

- Простите мою несдержанность, но я так взволнован. Хотя мы виделись всего три дня назад,

для меня вы словно старые друзья, которых я не встречал долгие годы. Я... Когда меня только арестовали, я был растерян. Присутствовал некоторый страх смерти, но больше меня терзала грусть по поводу гибели Лоурена, потому что я верил, что моя семья и друзья не оставят меня в беде. Но когда меня спасли, этот первобытный страх смерти стал мучить меня день и ночь. Мне постоянно снилось, что меня ведут на виселицу, и я просыпался в холодном поту с криком. Даже днём я часто ловил себя на мысли, не сон ли всё это - моё спасение?

Бауэр потёр виски:

- Простите, что вываливаю на вас всё это... я...

Орвицке показалось, что этому бедняге снова нужно утешение объятий, но Далиан опередил его. Он резко схватил Бауэра за воротник, заставив поднять голову, а затем аккуратно поправил ему съехавший воротник:

- В следующий раз, когда усомнитесь в реальности этого мира, отправляйтесь на пробежку.

Такой поступок был внезапным и, возможно, невежливым, но в исполнении Далиана он нёс в себе странное, неоспоримое достоинство, заставляя беспрекословно повиноваться.

- На пробежку?

- На пробежку или верхом на лошади. Найдите занятие, которое заставит вас как следует пропотеть. После этого вам станет значительно легче.

- Спасибо! Сегодня же дома попробую!

Розенберг сначала испугался, но когда диалог завершился, он тоже улыбнулся.

- Прошу в карету, господа. Я уже заказал отдельный кабинет в ресторане "Старый Джордж".

Раньше Далиан держался немного особняком, компания напоминала 3+1. Теперь стало гораздо лучше, все четверо в дружеской атмосфере уселись в карету.

- Мондэйл, на этот раз мы пригласили тебя не только для того, чтобы Бауэр выразил тебе свою благодарность, но и потому, что есть вещи, о которых, как нам кажется, ты должен знать. Э-э, или ты не хочешь знать? - не дожидаясь ответа Орвицки, Розенберг заговорил сам. На этот раз он не использовал по отношению к Орвицке уважительное обращение. Он немного волновался, не было ли его поведение излишне фамильярным и самонадеянным.

- У меня действительно накопилось множество вопросов, требующих ответов, - признался Орвицка. - Но моя работа, по сути, завершена, и я беспокоюсь, не вызовет ли такое любопытство раздражения.

- Мы знаем, что настоящая убийца - Лили Банис, - вздохнул Розенберг. Бауэр откинулся на спинку сиденья, отвернув голову к окну. - Мы считали, что старый Банис хоть и подонок, но наказание должна понести истинная виновница. Однако, поговорив с той стороной, мы были вынуждены изменить своё мнение...

Под "той стороной" Розенберг, разумеется, подразумевал семью Банис.

Первым с ними говорил Бауэр. Лили Банис сама настояла на встрече. Колин-старший не хотел, чтобы сын шёл, но Бауэр сам горел желанием её увидеть. Потому что Лоурен был одет в тот

самый свадебный наряд, о котором они когда-то договорились. Он отчаянно хотел знать, о чём думал Лоурен в последние минуты своей жизни?

- В последние минуты жизни он хотел только одного - жить. Голос его был слаб, но он изо всех сил умолял меня спасти его, он не хотел умирать.

- ...Почему ты убила его? Почему не спасла?

- А потому что он тоже никогда не спасал меня! До замужества меня звали Лили Тонд. Я его двоюродная сестра, племянница госпожи Банис. Моя мать умерла рано, а отец погиб от рук разбойников в прошлом году, когда отправился за товаром. Тогда и появился господин Банис-старший. Он сказал мне: "Пойдём, милая девочка, я позабочусь о тебе". Как мой дядя по тётке, когда мой отец был ещё жив, он был добрым дядей, ласковым и нежным, заботился обо мне, дарил красивых кукол. Я доверилась ему, я даже сама бросилась в его объятия и разрыдалась. Я наивно полагала, что он станет мне вторым отцом. В тот же вечер, после похорон отца, он надругался надо мной. Совершив своё грязное дело, он привязал меня к кровати и принёс фотоаппарат. Я впервые осознала, что фотоаппарат можно использовать для таких омерзительных вещей. Я поселилась в доме Банисов. В моей комнате обнаружился тайный ход. Каждую ночь этот старый, высохший, словно трухлявое дерево, дьявол приходил и ложился на меня. Он даже отслеживал мой цикл овуляции - это слово он мне и втолковал. Через неделю после того, как у меня... случилась задержка, он снова сказал мне: "Милая девочка, я нашёл тебе хорошего мужа". Милая девочка... Хе-хе-хе, он обожал называть меня так. Какое же это грязное, греховное, омерзительное слово.

<http://bllate.org/book/17916/1715850>